

ФОФАНОВ, Константин Михайлович [18(30).V.1862, Петербург -- 17(29).V.1911, там же] -- поэт. Отец -- выходец из крестьянской семьи, купец в первом поколении, мать -- крестьянка. Ф. не получил систематического образования, хотя начинал учиться в частных пансионах Эме и Кестнера, а также в городском училище Петербурга, но учебу оставил, не закончив 2-го класса. Творческая биография Ф. складывалась как бы вопреки господствующему литературному этикету. Первое его стихотворение было напечатано в газете "Русский еврей" (1881.-- 8 июля), затем благодаря поддержке П. И. Вейнберга он публиковался в "Литературном обозрении", имевшем либеральную репутацию. В конце же 80 гг. он становится постоянным сотрудником газеты "Новое время", издаваемой А. С. Сувориным, от которой с 1888 г. получал постоянное жалованье и др. финансовую поддержку. Но связь с этим изданием на протяжении всей жизни не мешала Ф. печататься в журналах различной ориентации: "Век", "Живописное обозрение", "Всемирная иллюстрация", "Устой", "Игрушечка", "Родник", "Новь", "Звезда", "Восход", "Север", "Наблюдатель", позднее -- "Северный вестник", "Московская газета", "Наше время", "Русское богатство", а также во многих иллюстрированных изданиях. Почти все сборники стихов Ф., кроме первого -- "Стихотворения" (1887) и третьего -- "Тени и тайны" (1892), были изданы у Суворина: "Стихотворения" (1889), "Иллюзии" (1900), а также вышедшее в 1896 г. собрание стихотворений в пяти частях (Ч. 1 -- "Маленькие поэмы"; Ч. 2 -- "Этюды в рифмах"; Ч. 3 -- "Снегурочка"; Ч. 4 -- "Майский шум"; Ч. 5 -- "Монологи"). Жизнь Ф., несмотря на постоянную поддержку высоко ценивших его талант деятелей культуры (И. Е. Репина, К. К. Случевского, А. К. Шеллер-Михайлова, А. С. Суворина), протекала в бедности и нищете. Ф. являлся единственным кормильцем большой семьи, где было 9 детей, и при этом страдал хроническим алкоголизмом. В конце 80 гг. перенес на этой почве галлюцинаторное помешательство, окончательно подорвавшее его здоровье. Современникам Ф. запомнился в образе "глубоко несчастного, приниженного жизнью, надорванного человека -- образ, так странно контрастирующий с впечатлением от его лучших вечно-юных стихов" (Перцов П. П. Литературные воспоминания,-- М.; Л., 1933.-- С. 189). Умер Ф. в полном одиночестве.

"Поэт милостью божией" -- эти слова чаще всего использовали для характеристики Ф. Но в них следует видеть не только восхищение природной одаренностью, но и признание очевидного факта, что всем лучшим в своих стихах Ф. был обязан исключительно природному дару: ни образования, ни широкого кругозора, ни способности к саморазвитию у поэта не было. Все поклонники Ф. видели в нем не только осуществленные, но и погибающие возможности. Напр., А. Н. Майков, назвав Ф. "самым лучшим, самым талантливым, самым крупным поэтом, приближающимся к Пушкину", посетовал: "В нем сидит необычайное дарование, удивительное чутье, и, будь он начитан и образован, это была бы гордость русской литературы" (Наша старина.-- 1916.-- No 6.-- С. 517).

Ф. редкий для конца XIX в. поэт города по преимуществу, где протекала большая часть его жизни. Но его урбанизм не имеет нарочитого и программного характера. Приметы городской жизни: "газовые рожки", "общественные кареты", "сумрак неосвещенных лестниц" -- вплетаются в его стихи наряду с грезами, соловьями и розами. Не эти реалии сами по себе определяют целостный смысл стихотворений Ф., главное в которых -- богатая и причудливая фантазия поэта, способная преобразить самую прозаическую обстановку: "Не правда ль, все дышало прозой, / Когда сходились мы с тобой? / Нам соловьи, пленившись розой, / Не пели гимны в тьме ночной... / А посмотри -- в какие речи, / В какие краски я облек / И наши будничные встречи, / И наш укомный уголок!.." ("Не правда ль, все дышало прозой..", 1885). В свойственном стихам Ф. свободном соединении возвышенной действительности и прозаических реалий современники видели дисгармонию. Критики возмущались прозаизмами в стихотворении "Дачная прогулка" (1881), где сказано: "Верно, давно поджидает нас дома / Чай золотистый со свежю булкой... / Глупое счастье, а редким знаком!" "Поэзией резких и мучительных диссонансов" назвал стихи Ф. Д. Мережковский (О причинах упадка и о новых течениях современной русской поэзии.-- Спб., 1893.-- С. 87). Но поэт, во многом предвосхитивший блоковскую тему "мещанского житья" блоковских стихов о городе, не ощущает дисгармонии, в его стихах, исполненных подчас самых прозаических подробностей, слышится "все тот же безумно-вдохновенный, юношески-восторженный тон" (Гриневиц П. Ф.-- С. 308). Даже известный призыв Ф. уйти "от пыток будничных минут" "в лазоревые гроты фантазий и причуд" (стихотворение "Блуждая в мире лжи и прозы...", 1887) для самого поэта не содержит трагического противопоставления мечты и действительности, поскольку в его воображении они свободно соединяются. По тонкому наблюдению Ивана Коневского, в поэзии Ф. "горят самые жгучие терзания сердца и бьют ключом страстные ликования в каком-то необъятном и внутренне уравновешенном кипении" ("Северные цветы" на 1901 год.-- М., 1901.-- С. 186--187). Внутренняя уравновешенность мировосприятия Ф. как бы снимала антитезы, примиряла дисгармонию отдельных образов.

Лирика Ф. чужда проповедничеству, чем резко отличается от поэзии С. Я. Надсона. "Ф. не принес с собой в литературу какой-нибудь идеи, которую он мог бы или должен был проповедовать, отстаивать,